Владимиръ Иловайскій

ГОДЪ ПУТИ

(Жизнь Добровольческой Арміи).

Ростовъ-на-Дону, тип. Т-ва «Обновленіе».

Чѣмъ тяжелѣе положеніе, тѣмъ смѣлѣе впередъ
(Любимыя слова генерала Корнилова).

Начертали на русскомъ знамени великое слово братство, но не начертали его въ сердцахъ и умахъ своихъ. (Слова ген. Алексѣева).

I

Основа Добровольческой арміи—патріотизмъ вождей русскихъ армій, разложившихся подъ вліяніемъ большевистской агитаціи на фронтѣ, и пламенный энтузіазмъ нѣсколькихъ сотъ офицеровъ и юнкеровъ, пробравшихся въ ноябрѣ прошлаго года изъ разныхъ уголковъ Россіи и съ фронта подъ сѣнь Новочеркасска и Ростова.

200 офицеровъ, сгрудившихся вокругъ генерала Алексѣева, и 400 рублей, пожертвованныхъ на Добровольческую армію горячими патріотами—первый взносъ на алтарь отечества.

Армія создавалась въ тотъ моментъ, когда русскіе солдаты съ оторванными погонами и кокардами, ломая на своемъ пути желѣзнодорожный составъ и погибая въ цистернахъ со спиртомъ, разбиваемыхъ по дорогѣ, разъѣзжались по домамъ, безсознательно предавая Россію.

Армія создавалась въ тѣ дни, когда большевистскіе представители подписывали позорное перемиріе въ Брестъ-Литовскѣ, въ дни, когда русскія части на фронтѣ производили бунтарскую демобилизацію, разъѣзжаясь не по дорогамъ, освященнымъ трудомъ и окропленнымъ потомъ русскаго рабочаго, а по магистралямъ, намѣченнымъ въ особыхъ отдѣленіяхъ германскаго штаба.

Въ эти дни, смѣшавшись съ сѣрой солдатской массой, съ подложнымъ удостовѣреніемъ въ карманѣ, на Донъ съѣзжались тѣ, кто дерзнулъ противоставить ослѣпленной странѣ свою жизнь, тѣ, кто пролилъ свою кровь во имя Россіи.

2 ноября въ Новочеркасскъ въ штатскомъ платьѣ прибылъ генералъ Алексѣевъ, 6-го декабря, подъ видомъ румынскаго бѣженца, пріѣхалъ бѣжавшій въ ноябрѣ изъ быховскаго заточенія генералъ Корниловъ.

На Дону бывшіе верховные главнокомандующіе думали создать, опираясь на казачество, плацдармъ для борьбы съ большевизмомъ и сохранить для Россіи вѣрность ея договорамъ съ союзниками.

Казалось, что казачество, крѣпкое духомъ и военными традиціями, уже по одному своему экономическому укладу будетъ достаточной опорой, тѣмъ болѣе, что всѣ войсковые круги на Дону всегда выносили постановленія о необходимости самой рѣшительной борьбы съ большевизмомъ и о всемѣрной поддержкѣ своего перваго выборнаго атамана генерала Каледина.

Такъ зарождалась Добровольческая армія. Она зародилась подъ глухое шипѣніе общественныхъ круговъ русской интел-

[illegible]ціи, подъ протестующія резолюціи органовъ городского самоуправленія, подъ глухіе стоны разстрѣлянныхъ офицеровъ и подъ неистовый кличъ вождей большевизма, призывающихъ солдатъ и рабочихъ идти на Донъ и раздавить гидру зарождающейся тамъ контръ-революціи. Казалось, не было той грязной клеветы, которая не выливалась бы на голову ея вождей, и не было той провокаціонной инсинуаціи, которую бы Ленинъ и Троцкій не сплели бы вокругъ именъ созидателей арміи.

Чтобы выбить оружіе изъ рукъ вождей арміи, необходимо было разложить казачество. Большевиками для этого все было пущено въ ходъ. Агитація, подкупъ, ложь—были обычнымъ пріемомъ.

Распропагандированныя на фронтѣ, казачьи части представляли очень удобную почву, кадры большевистскихъ агитаторовъ неизмѣнно были направлены въ эту сторону, большевики, послѣ долгихъ усилій, наконецъ добились раскола, казачество раздробилось на фронтовиковъ и не-фронтовиковъ (стариковъ).

Одновременно съ этимъ на Донъ были двинуты красногвардейскіе эшелоны, впереди съ щедро оплаченными латышами и матросами, игравшими въ аристократовъ Совѣтской Республики и исполнявшими роль гвардіи Троцкаго.

Это было тяжелое время.

Всѣ понимали необходимость силѣ противопоставить силу, но въ то же время всѣ пытались подъ разными предлогами уклониться отъ поступленія въ Добровольческую армію и взвалить всю тяжесть защиты на ея слабыя плечи.

Многіе изъ интеллигенціи митинговали, буржуазія туго открывала кошельки и въ то время, какъ на фронтѣ лилась кровь и до городовъ Донской области доносились глухіе раскаты орудійной канонады и извѣстія о звѣрствахъ большевиковъ—города и станицы продолжали жить обычной своей жизнью: блистали огни кинематографовъ, были открыты театры, до поздней ночи торговали кафе и рестораны, улицы были залиты веселой и беззаботной толпой, среди которой не мало шныряло большевистскихъ агентовъ. Не было ни вооруженія, не было ни снаряженія, не было денегъ; пассивность общества переходила въ преступное бездѣйствіе, а индиффрентизмъ казачества подъ развращающей агитаціей фронтовыхъ частей начиналъ выливаться въ открытую враждебность.

Въ концѣ ноября большевики подняли возстаніе въ Ростовѣ, казачьи части отказались его усмирять, добровольцы взяли городъ съ боемъ, населеніе встрѣтило генерала Каледина цвѣтами, путь ему устилали коврами, но все это не надолго

Появившіяся извѣстія въ телеграммахъ Юго-Восточнаго агентства о назначеніи генерала Корнилова командующимъ

Добровольческой арміей встрѣчены были въ массахъ ропотомъ глухого неудовольствія, еще громче заговорили о контръ-революціи.

Каждый шагъ донского атамана и каждый приказъ командованія Добровольческой арміи встрѣчались, какъ попытка урѣзать гражданскія права населенія. Объявленіе о введеніи въ области военнаго положенія, съ цѣлымъ рядомъ смягчительныхъ купюръ, вызвало горячій протестъ соціалистическихъ думъ, разсматривающихъ это, какъ покушеніе на свободу народа.

Въ этихъ условіяхъ приходилось формироваться, въ этихъ условіяхъ приходилось сдерживать напоръ красныхъ со стороны Таганрога, въ этихъ условіяхъ генералъ Алексѣевъ принужденъ былъ давать подробные отчеты Донскому Правительству о средствахъ, на которыя организуется Добровольческая армія, Правительству, вынужденному дѣлать запросы подъ давленіемъ не-казачьей его части.

Но ничто не было убѣдительно: ни нѣмецкія шинели снятыя съ убитыхъ красногвардейцевъ и лежащія, какъ живой примѣръ въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба, ни пространныя воззванія отъ политическаго отдѣленія Добровольческой арміи, развѣшанныя по стѣнамъ домовъ и призывающія всѣхъ стать въ ряды Арміи, ни статьи, появляющіяся ежедневно въ газетахъ «Ростовская Рѣчь» и «Вольный Донъ» о необходимости безпощадной борьбы съ большевизмомъ.

Нѣмецкимъ шинелямъ не вѣрили, плакаты срывали, интеллигенція бездѣйствовала, городскіе „низы“ съ нетерпѣніемъ поджидали большевиковъ, казачество агитаторы неизмѣнно поучали, что въ Новочеркасскѣ не попытка мобилизаціи русской чести, а слетъ контръ-революціонныхъ хищниковъ.

На фронтѣ лилась кровь добровольцевъ, умирали 16-лѣтніе партизаны Чернецова и Семилѣтова, ежедневно по улицамъ тянулись траурныя процессіи, хоронящія жертвъ гражданской войны, но городъ оставался ко всему этому глухимъ и враждебнымъ.

Страна переживала медовый мѣсяцъ совѣтской власти, лозунги большевиковъ: «хлѣбъ, миръ и свобода» считались заманчивыми для широкихъ массъ крестьянъ и рабочихъ, и эти массы не чувствовали еще, что свобода уже замѣнена красногвардейскимъ штыкомъ, хлѣбъ—голодомъ и миръ—гражданской распрей.

13 января изъ Новочеркасска штабъ арміи переѣхалъ въ Ростовъ, красногвардейское кольцо плотно охватывало Донскую область; демобилизованныя части Кавказской арміи искусственно задерживались большевиками, въ Ставропольской

губерніи бушевала знаменитая 39 пѣхотная дивизія; пришлось образовать новый Батайскій фронтъ. Сиверсъ, Антоновъ, Петровъ и Саблинъ—вотъ имена большевистскихъ главковерховъ, которые надолго останутся памятны для Добровольческой арміи и для Дона; презрѣнныя имена людей, стоявшихъ во главѣ десятковъ тысячъ ленинскихъ янычаръ, которые въ февралѣ добивали раненыхъ добровольцевъ въ Ростовѣ и которые черезъ весь Новочеркасскъ, подъ улюлюканье городской черни провозили на разстрѣлъ больныхъ изъ госпиталей, выворачивая имъ изъ лубковъ по дорогѣ ноги и руки.

Люди, которые оплачивали разложеніе каждой станицы отъ 10 до 20 тысячъ и которые настойчиво старались свергнуть генерала Каледина съ тѣмъ, чтобы растоптать казачество и выбить изъ рукъ Добровольческой арміи территорію и базу, гдѣ генералы Алексѣевъ и Корниловъ хотѣли возсоздать военную мощь Россіи, для спасенія государства.

II.

29-го января застрѣлился въ Новочеркасскѣ въ атаманскомъ дворцѣ генералъ Калединъ, видя всю невозможность дальнѣйшей борьбы и желая своею смертью отвести карающую руку красногвардейцевъ отъ Новочеркасска. На двѣ недѣли его смерть подняла духъ казачества. Искупительная кровь была пролита, казачество понимало, что эта кровь лежитъ на немъ и на его дѣтяхъ. Загудѣли станицы, но загудѣли не надолго. Большевики тоже учли моментъ и по всѣмъ дорогамъ, по которымъ текли мобилизовавшіеся добровольцы-казаки Черкасскаго округа, были устроены большевистскія засады, гдѣ подкупомъ, провокаціей и ложью наемные агитаторы убѣждали казачество, что Войсковое Правительство разбѣжалось и что оставшаяся Добровольческая армія, это—кучка офицеровъ, пріѣхавшихъ на Донъ, чтобы стѣснить исконныя права казачества и вновь закабалить народъ властью помѣщиковъ и генераловъ.

Изъ сотенъ, благодаря агитаціи, до Новочеркасска доходили только десятки, и генералъ Назаровъ, принявшій постъ атамана послѣ смерти Каледина, былъ безсиленъ оказать помощь Добровольческой арміи, истекающей кровью.

Въ эти дни еще разъ на одинъ моментъ показалось, что солнце вновь улыбнулось на сумрачномъ горизонтѣ и въ грудь добровольцевъ пахнула надежда,—съ фронта прибылъ 6-й Донской казачій полкъ, который съ боемъ прошелъ всѣ большевистскіе заслоны, сохранивъ дисциплину, штандартъ, денежный ящикъ, воинскій видъ части и ненависть къ большевизму. На моментъ казалось, вотъ онъ самъ народъ, вотъ по улицамъ Новочеркасска на помощь русскимъ офицерамъ, защищающимъ станицы Дона отъ разграбленія и закрома, политыя потомъ мозолистыхъ рукъ трудового казачества, отъ рас-

хищенія, повинуясь воинской командѣ, идетъ, понявшее свои интересы, само казачество.

Надежда оказалась обманчивой, полкъ разошелся.

Были сдѣланы попытки набрать изъ его среды волонтеровъ, эти попытки результатовъ не дали.

Генералъ Назаровъ былъ безсиленъ оказать помощь Добровольческой арміи, на позиціяхъ умиралъ Корниловскій полкъ; и казачество, несмотря на всѣ постановленія Круга о защитѣ Дона, отказывалось отъ борьбы; на Новочеркасскъ, во главѣ съ войсковымъ старшиной Голубовымъ уже надвигались казачьи большевистскія части.

Лишенная помощи, Добровольческая армія одна не въ силахъ была больше удерживать Ростовъ и приходилось за предѣлами Донской области искать цѣной жертвъ и крови путь къ счастью и спасенію Россіи; а потому Корниловъ постепенно началъ выводить свои части изъ боя.

III.

9 го февраля 1918 года въ составѣ 2000 штыковъ и 600 сабель Добровольческая армія начала отходъ изъ Ростова.

Кончился первый періодъ жизни Арміи, періодъ, гдѣ формированіе шло одновременно съ боевой страдой и гдѣ нечеловѣческими усиліями генераловъ Алексѣева и Корнилова было заложено ядро будущей военной мощи русскаго государства.

Начались тяготы Кубанскаго похода.

Видимо, суждено было, чтобы русскій народъ до конца осушилъ предназначенную ему чашу тягчайшихъ испытаній, необходимо было, чтобы казачество на своей спинѣ испытало всю прелесть коммунистическаго блаженства по ленинскимъ образцамъ, потому что и оно уклонилось отъ борьбы въ рѣшительныя и грозныя минуты.

Армія, отдавая Ростовъ, лишилась территоріи и базы и съ этихъ дней исторія Россіи пошла по двумъ путямъ, діаметрально расходящимся другъ съ другомъ, которые при скрещеніи окрашивались неизмѣнно кровью, кровью честныхъ и кровью обманутыхъ людей, загнанныхъ въ большевистское царство пулеметомъ, невѣжествомъ и ложью.

2000 офицеровъ, юнкеровъ и студентовъ, во главѣ съ двумя Верховными Главнокомандующими, съ лозунгомъ: «патроны впереди» и вся Россія со всѣмъ ея богатствомъ живыхъ силъ и техническаго вооруженія, со всѣми ея многомилліонными Арміями, снятыми съ тысячеверстныхъ фронтовъ—есть что противопоставить.

Бурлящій океанъ большевизма, истерическій, фанатически настроенный, и горсть героевъ съ пѣсней въ груди: «такъ за Корнилова, за Русь, за вѣру».—Есть что противопоставить.

Армія покидаетъ Ростовъ, въ отдаленіи теряется изъ виду громадный, ярко освѣщенный электричествомъ городъ, ноги погрязаютъ въ липкой и черноземной грязи—впереди неизвѣстность.

Русская честь можно шагаетъ по донскимъ степямъ и несется пѣсня добровольцевъ.

Гдѣ-то незримая стоитъ благословляющая уходящія рати Россія, безсильная протянуть свои руки, потому что палачи стянули ихъ толстой веревкой и пригвоздили къ позорному столбу Женщину-Символъ.

Второй періодъ самый тяжкій въ жизни Арміи.

Кубанскій походъ—это жемчужина русской исторіи, это стражъ русской государственности.

Все склонилось къ ногамъ Троцкаго и Ленина и лишь въ степяхъ Дона и на поляхъ Кубани генералы, привыкшіе нажимать клавиши милліонныхъ Армій и бросать въ бой сотни тысячъ, во главѣ горсти людей, спаянныхъ круговой порукой идей, дерзаютъ сказать имъ надменно и гордо:

«Лжете—Россія не умерла».

Она живетъ въ офицерѣ, идущемъ во весь ростъ въ наступленіе, она дышетъ въ изнеможденномъ лицѣ раненаго, прикрытаго тулупомъ на убогой крестьянской подводѣ, она смотритъ глазами сестры милосердія, смѣняющей повязку, она излучается изъ взгляда 15-лѣтняго мальчика, обратившагося въ эти дни въ государственнаго мужа.

27-го августа генералъ Деникинъ установилъ орденъ за Кубанскій походъ—мечъ, оплетенный терновой вѣткой.

Ибо—это былъ символъ этихъ дней, это была идея этихъ мѣсяцевъ.

Мечъ, разящій насиліе надъ русскимъ народомъ,—терніи по пути—терніи кругомъ.

Снѣгъ, холодъ, предательство жителей, слѣпота народа, отсутствіе сапогъ и снарядовъ.

И воля генерала Корнилова, желѣзная рѣшимость вождя, между складокъ бровей котораго заложено будущее Россіи.

IV.

11-го февраля въ станицѣ Ольгинской было приступлено къ переформированію арміи.

Мелкія части были сведены въ крупныя, этимъ облегчена была система управленія и достигнута была большая гибкость и стройность частей.

Армія была раздѣлена на главныя силы, авангардъ и арьергардъ.

Впослѣдствіи уже, послѣ соединенія съ Кубанскими отрядами, армія сведена была въ двѣ бригады, одну изъ которыхъ получилъ генералъ Марковъ, другую генералъ Богаевскій; командиромъ же конныхъ частей назначенъ былъ ген. Эрдели.

Первый бой разыгрался съ большевистской конницей у станицы Хомутовской, послѣ перехода черезъ Донъ. Чтобы отличить своихъ отъ чужихъ, добровольцамъ было приказано нашить на шапки бѣлыя полосы.

Перейдя черезъ Кагальницкую, Мечетинскую и Егорлыцкую станицы, Армія покинула предѣлы Донской области и переходъ ея въ Ставропольскую губернію ознаменовался боемъ подъ Лежанкой, при чемъ большевики были усилены частями 39 пѣхотной дивизіи, имѣвшей свою штабъ-квартиру въ Ставропольской губерніи.

Въ бою подъ Лежанкой было убито свыше 500 большевиковъ, Армія же потеряла убитыхъ двухъ человѣкъ и около 20 было ранено.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ армію влилось нѣсколько сотъ Кубанцевъ и были получены свѣдѣнія, что 28-го февраля Кубанскимъ правительствомъ сданъ былъ Екатеринодаръ, который Кубанцы удержали на двѣ недѣли дольше Новочеркасска. Узнавъ о паденіи города, генералъ Корниловъ измѣнилъ путь и направилъ Армію за Кубань, черезъ Усть-Лабу, въ обходъ Екатеринодара, свернувъ въ юго-восточномъ направленіи.

Во второй половинѣ марта, Армія соединилась съ Кубанскими отрядами, отступавшими отъ Екатеринодара, что значительно усилило ея количество.

Неизмѣнно стремясь овладѣть Екатеринодаромъ и изнемогая въ борьбѣ съ противникомъ, превосходящимъ ее въ десятки разъ, Армія, несмотря на это, всюду наноситъ большевикамъ сокрушительные удары, даже въ медовый періодъ ихъ господства и власти.

Послѣ столкновенія съ нею, кое-какія трещины наростаютъ въ сознаніи казачьихъ массъ, но все-таки народъ еще не прозрѣлъ, все еще на глазахъ его каттарактъ, и потому тяжелъ путь русскаго добровольца.

Раненые сильно затрудняютъ движеніе, ничтожная рана угрожаетъ гангреной, отсутствіе перевязочныхъ средствъ не даетъ возможности оказать даже элементарной помощи; вокругъ арміи плотно сжимается кольцо большевизма; дни похожи одинъ на другой, какъ близнецы—ибо узоръ каждаго дня—боевыя тяготы.

Война, фронтъ, когда закованные въ желѣзо и сталь, стояли другъ противъ друга народы Европы, это осталось тамъ, гдѣ-то позади, ибо тамъ была не только смерть и напряженность боя, тамъ была стройность системы, былъ отдыхъ, были резервы, тылъ, братская поддержка, письма близкихъ, нити, которыя соединяли бойца съ народомъ, война—съ государствомъ.

Здѣсь ничего этого нѣтъ, нѣтъ ни тыла, ни фронта, здѣсь

нее—линія боя, здѣсь нѣтъ ни возрастовъ, ни чиновъ, ни отличій; мальчикъ гимназистъ и старый генералъ, лежащіе рядомъ въ цѣпи, одинаковые рыцари Россіи, ея крестоносцы.

И каждая встрѣча съ большевиками—бой Голіафа съ Давидомъ.

Разбросанные по Кубанскимъ степямъ кресты, гдѣ сибиряки, петроградцы, казаки, текинцы и горцы, спаянные единымъ порывомъ, умирали за родину—лучшее доказательство идеи Единой и Недѣлимой Россіи.

Переходящіе въ атаку, по горло въ ледяной водѣ, офицеры—живая эмблема этихъ дней, и раненый, кончающій на тряской повозкѣ подъ проливнымъ дождемъ расчеты съ жизнью при помощи револьвера, символъ того пути, которому нѣтъ иного названія, какъ путь крестный.

Пути, гдѣ каждый снарядъ на учетѣ, каждый человѣкъ на счету и каждый патронъ долженъ мѣткостью выстрѣла оправдать лишнее щелканье затвора.

Ибо вся мощь національнаго достоинства Россіи заключалась въ 600 снарядахъ, взятыхъ при выходѣ изъ Ростова, и нормальнымъ соотношеніемъ силъ былъ всегда противникъ, превосходящій Армію въ 10-15 разъ, противникъ, въ распоряженіи котораго были города, желѣзныя дороги, броневые поѣзда, помощь Германіи, невѣжество народа и соблазнительно-обманчивые лозунги:

«Миръ, хлѣбъ и свобода».

Таковы условія 1-го Кубанскаго похода, въ которыхъ всякій отъ генерала до обознаго отлично понималъ, что попасть въ руки большевиковъ, это значитъ быть звѣрски замученнымъ и каждый прекрасно сознавалъ, что всякій переходъ Арміи черезъ желѣзную дорогу—нешуточная угроза къ ея уничтоженію.

Но и въ этихъ условіяхъ съ неизмѣннымъ лозунгомъ: «патроны впереди» Армія сметаетъ съ своей дороги красногвардейскія банды и выдерживаетъ десятки боевъ, и, искусно маневрируя при переходахъ, ускользаетъ отъ вниманія красногвардейскихъ стратеговъ, неизмѣнно обманывая бдительность большевистскихъ дозоровъ.

Не даромъ сложилась поговорка «большевики ходятъ всегда вдоль желѣзныхъ дорогъ, а кадеты всегда пересѣкаютъ ихъ поперекъ».

Такъ было, потому что въ каждаго боевого соратника генералъ Корниловъ сумѣлъ вложить крупицу своей воли и спаять горсть людей—ненарушимою клятвою доблести.

Такъ было во всѣ дни боевой страды, когда генералъ Богаевскій, требуя подкрѣпленія, получалъ его въ размѣрѣ 20 человѣкъ, когда волны рѣки подъ Кореновской окрашивались кровью большевиковъ и когда лишь сербскій юнакъ и бель-

гійскій пѣхотинецъ вправѣ были, какъ равные, пожать руку русскому добровольцу.

Но и въ эти дни, гдѣ все было напряжено до крайности, гдѣ фантастическое стало обычнымъ, а героизмъ — будничнымъ распорядкомъ боевого дня, случалось то, что переросло сказку недѣль и мѣсяцевъ и заставляло большевиковъ искренно повѣрить въ сношенія корниловцевъ въ нечистою силой.

Таковъ былъ захватъ бронированнаго поѣзда генераломъ Марковымъ.

Захватъ поѣзда однимъ человѣкомъ, при помощи грознаго окрика и ручной гранаты, брошенной смѣлой рукой, въ оторопѣвшаго машиниста.

Это случилось въ тотъ моментъ, когда, отступая отъ Екатеринодара, Армія нуждалась въ снарядахъ, какъ въ воздухѣ, и больше, чѣмъ когда-либо сочилась кровью, пытаясь перейти желѣзную дорогу у станціи Медвѣдовской. Въ этотъ моментъ, расположивъ цѣпи по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна, генералъ Марковъ первый вскочилъ въ вагонъ къ большевикамъ, откуда грозно смотрѣли пулеметы и съ крикомъ:

«Товарищи, спасайтесь, кадетня, идетъ»

бросилъ въ обезумѣвшихъ отъ неожиданности красногвардейцевъ вторую гранату.

Сотни труповъ, снаряды и безпрепятственный переходъ увѣнчали подвигъ героя и украсили безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ Кубанскій походъ—легендарностью сказки.

Ибо мановеніемъ руки и цѣной жизни русскій генералъ доброволецъ остановилъ стального огнедышащаго левіафана и вплелъ въ страницы похода эпосъ русской былины.

Тише—въ эти минуты молилась Россія.

Тише—въ эти минуты воскресла легенда и родилось чудо.

V.

Въ концѣ марта начались бои за обладаніе Екатеринодаромъ.

Бои, гдѣ на каждаго добровольца приходился добрый десятокъ большевиковъ. Бои, гдѣ всякій снарядъ былъ на учетѣ и гдѣ большевистская артиллерія имъ счету не знала.

30-го марта былъ убитъ любимецъ генерала Корнилова—командиръ полка его имени—полковникъ Нѣженцевъ.

31-го марта—день національнаго траура—осколками разорвавшагося снаряда въ этотъ день на фермѣ подъ Екатеринодаромъ убитъ Корниловъ.

Честь Россіи умерла на своемъ боевомъ посту.

3-го сентября 1917 года Керенскій хотѣлъ запереть въ клѣтку въ Могилевѣ русскую свободу; маленькій истеричный человѣчекъ, развѣ онъ могъ предвидѣть, говоря пышныя всякія слова, что нельзя сковать въ узы символъ русской свобо-

ды и титана долга передъ идеей служенія народу, подобно ген. Корнилову, нельзя никакими цѣпями приковать къ каземату.

Какъ цвѣтокъ на зарѣ—тянется къ солнцу, такъ и генералъ Корниловъ всю свою жизнь всегда шагалъ къ свободѣ Россіи

И лишь онъ одинъ, когда государство было охвачено борьбой партій, и страну терзали коршуны, подобно Промеѳею, сумѣлъ кликнуть кличъ и доказать цѣной жизни, что не безсиліемъ слова и горячностью фразы, а подвигомъ и кровью строится Русь.

Благоговѣйно склонимъ колѣни—Россія потеряла перваго гражданина, палачи оттянули день ея освобожденія.

Въ той исторической смутѣ, которую мы переживаемъ теперь, въ хаосѣ и игрѣ самолюбій, въ территоріальной раздѣленности областей и губерній съ руками, жадно тянущимися къ власти со всѣхъ сторонъ—сейчасъ совершенно невозможно подвести весь трагическій итогъ этой смерти.

Огромная популярность—казачье происхожденіе, стальная воля и беззавѣтная любовь къ Родинѣ—заставила бы примирить цѣлый рядъ самолюбій и избавила бы многія области и отъ идеи сепаратизма и отъ ненужной фронды, столь гибельной въ наши кошмарные дни.

Впрочемъ это дѣло исторіи и въ спокойной обстановкѣ будущій историкъ удѣлитъ этому не одну только страницу.

Послѣ смерти генерала Корнилова командованіе арміей принялъ, какъ это было условлено раньше, генералъ Деникинъ.

Россія отдавала послѣдніе резервы.

Имя ген. Деникина извѣстно всей странѣ, его рѣчь въ Ставкѣ долетѣла до глухихъ уголковъ нашей обширной Родины.

Въ моментъ, когда развязные газетчики, называвшіе обычно винтовку—ружьемъ, шашку—саблей и копьемъ—пику, обучали русское офицерство новымъ пріемамъ дисциплины и воинской чести, въ моментъ, когда Керенскій, переодѣваясь въ черную косоворотку, ѣздилъ въ Кронштадтъ уговаривать матросовъ, не подавалъ руки на этихъ митингахъ флотскому офицерству, чтобы не потерять свою популярность. среди матросовъ, въ моментъ, когда въ Выборгѣ была пролита офицерская кровь и въ арміи чуждые ей неистовствовали комиссары и комитеты, распиная офицерство, въ моментъ, когда генералъ Черемисовъ, стоя во главѣ корпуса, увѣрялъ, что весь успѣхъ галиційскаго наступленія онъ приписываетъ мудрой работѣ комитетовъ (это еще было до разгрома) и наконецъ въ тотъ моментъ, когда единственная корпорація въ революціонной Россіи не требовала прибавки на дороговизну, а безропотно шла своимъ путемъ тяжкихъ испытаній, генералъ Деникинъ сказалъ громко:

«Русскій офицеръ никогда не былъ ни наемникомъ, ни опричникомъ. Нашъ армейскій офицеръ сквозь боевую трудо-

вую жизнь свою донесъ однако до отечественной войны, какъ яркій свѣтильникъ, жажду подвига, подвига для счастья Россіи.

Берегите офицера...

Ибо отъ вѣка и до вѣка онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности.

Смѣнить его можетъ только смерть».

VI.

Генералъ Деникинъ принялъ командованіе въ моментъ наиболѣе тяжкій для русской государственности.

Смѣнить его могла дѣйствительно только смерть.

Позади остались улицы Бердичева, гдѣ неистовствовали помощникъ комиссара юго-западнаго фронта Костицынъ и членъ исполнительнаго комитета Гуревичъ, гдѣ толпа разъяренныхъ солдатъ изступленно кричала «распни его» и въ лицо своему главнокомандующему бросала комья грязи; позади остались дни Быховскаго заточенія, дребезжащій товарный вагонъ, перевозившій узниковъ изъ Бердичева въ Быховъ, побѣгъ на Донъ—впереди тяготы похода и руководство арміей, истекающей кровью.

Арміи пришлось отойти отъ Екатеринодара и начать отступленіе.

Большевики, захлебываясь, праздновали побѣду, считая, что «кадеты» окончательно разгромлены и недалекъ день полной ликвидаціи Добровольческой арміи.

Не было ни патроновъ, ни снарядовъ, раненые стѣсняли свободное продвиженіе, армія, потерявъ Корнилова, сочилась кровью.

Въ этихъ условіяхъ генералъ Марковъ, остановивъ поѣздъ, добылъ для арміи патроны и снаряды, и, искусно маневрируя, армія въ послѣдній разъ пересѣкла желѣзную дорогу, хотя на всемъ протяженіи Кавказская — Тихорѣцкая стояли наготовѣ большевистскіе бронированные поѣзда; впереди прорывались необъятныя пространства Ставропольскихъ и Астраханскихъ степей.

Впервые изъ-за тучъ начинало вырисовываться солнце.

9-го апрѣля встрѣтившійся на пути арміи ростовскій купецъ принесъ первую вѣсть о возстаніи противъ большевиковъ на Дону.

Зеленѣла трава, удлинялся день, голубѣло небо—это была первая ласточка—казачество пробуждалось.

Для провѣрки этого извѣстія въ ст. Егорлыцкую былъ отправленъ во главѣ офицера генеральнаго штаба разъѣздъ.

Черезъ нѣсколько дней вѣсть о возстаніи на Дону подтвердилась, изъ разсказовъ случайнаго человѣка превратилась въ явь—были получены достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что казачество поднималось.

Появились депутаты отъ донскихъ казаковъ просить Добровольческую армію придти Дону на помощь.

5 дней отдыха въ ст. Успенской пролетѣли, какъ сонъ.

На границѣ Донской области казачество встрѣчало армію съ хлѣбомъ и солью.

Уже въ мартѣ глухо волновалось оно, насилія и грабежи пришлись домовитому, хозяйственному казаку не по вкусу, уже въ мартѣ изъ земли закопанцыя доставались винтовки и изъ садовъ темной ночью добывались зарытые въ нихъ патроны.

И только теперь можно было учесть всю пользу, когда въ январѣ и февралѣ пришедшія, послѣ смерти генерала Каледина, на защиту Новочеркасска дружины разошлись по домамъ съ оружіемъ въ рукахъ.

1-го апрѣля казаками былъ взятъ Новочеркасскъ, большевистскій главковерхъ—Антоновъ, грузившій на Ростовъ свои отступающіе эшелоны, заявилъ, презрительно улыбаясь, что казачье возстаніе мыльный пузырь и что черезъ нѣсколько дней Новочеркасскъ имъ будетъ взятъ обратно.

Онъ оказался отчасти правъ: возстаніе вспыхнуло стихійно, велось подъ руководствомъ выбранныхъ станицами неопытныхъ командировъ и 4 апрѣля Новочеркасскъ пришлось сдать.

Городъ палъ, но духъ не умеръ.

Отступавшія части вывезли изъ Новочеркасска 11 орудій и около 1000 снарядовъ и, начавъ организовываться подъ Новочеркасскомъ, въ станицѣ Заплавской, ожидали съ надеждой и вѣрой прихода Добровольческой арміи и отрядовъ Походнаго Атамана, идущаго изъ Сальскихъ степей, во главѣ партизанъ.

Приходъ Добровольческой арміи былъ той моральной поддержкой, которая скрѣпила казачество; имя генерала Корнилова было у всѣхъ на устахъ, въ смерть его никто не вѣрилъ и каждая станица засылала къ нему безпрерывно гонцовъ.

«Фронтовикъ на Дону умеръ, казачество стало единымъ»— вотъ донесеніе одного изъ начальниковъ отряда генерала Семенова въ штабъ Походнаго атамана, въ апрѣльскіе дни.

Донъ расправилъ свои плечи, партизанъ и доброволецъ— были уже не контръ-революціонеры, отстаивающіе свои узкіе сословные интересы, теперь это уже были избавители и заступники, которыхъ нетерпѣливо ждали прозрѣвшіе люди, испытавшіе на своихъ плечахъ всю тяготу красногвардейскаго произвола.

Добровольческая армія, вступивъ черезъ два слишкомъ мѣсяца на донскую территорію, встрѣтила прозрѣвшій народъ съ мыслью ясной и твердой.

И плечомъ къ плечу съ казачествомъ обагрила Донскія степи братскою кровью.

Доброволецъ, свершившій безпримѣрную тяжесть Кубан-

скаго похода, партизанъ генерала Семилѣтова, съ боемъ прошедшій Сальскія степи, и казакъ, очнувшійся отъ дурного сна, протянули другъ другу руки.

И это рукопожатіе было крѣпкимъ, рукопожатіе героевъ —съ народомъ.

Крѣпли силы, легко дышала грудь, весенній воздухъ жадно вбирали молодыя груди, сама природа, казалось, радовалась вмѣстѣ съ людьми и въ синѣющей дымкѣ уходила вдаль безграничная степь, пригрѣтая поцѣлуемъ весенняго солнца.

Тѣснимые со всѣхъ сторонъ эшелоны красныхъ рвались на Царицынъ и Воронежъ, сжигая на своемъ пути станціи и бросая подъ откосъ желѣзнодорожный составъ.

23-го апрѣля вновь палъ Новочеркасскъ.

Новочеркасскъ былъ взятъ отрядами Походнаго атамана, но уже вскорѣ разыгрался бой за его обладаніе, городъ громила большевистская артиллерія, цѣпи красноармейцевъ подошли къ предмѣстью города—Хутунки и отъ Троицкой церкви, гдѣ расположился штабъ, весь бой былъ виденъ въ городѣ, какъ на ладони.

Исходъ боя рѣшили сотни генерала Семилѣтова и броневикъ подошедшаго на выручку съ своимъ отрядомъ полковника Дроздовскаго, котораго впослѣдствіи Донской атаманъ генералъ Красновъ въ своей рѣчи на августовскомъ кругѣ съ благодарностью назвалъ спасителемъ города.

И дѣйствительно, нельзя не отмѣтить, что съ появленіемъ офицеровъ полковника, а нынѣ покойнаго генерала Дроздовскаго, паника въ городѣ сразу улеглась, видъ людей въ погонахъ съ національной трехцвѣтной нашивкой на рукавѣ, отлично дисциплинированныхъ, сразу внесъ въ умы встревоженныхъ горожанъ полное успокоеніе.

Спасенный городъ привѣтствовалъ вступившій на другой день отрядъ громовымъ «ура» и цвѣтами; Добровольческая армія же влила въ свои ряды болѣе тысячи бойцовъ, прошедшихъ пѣшкомъ многія сотни верстъ изъ Румыніи на присоединеніе къ ней и явившихся въ самый критическій моментъ жизни пробужденнаго Дона.

Появленіе отряда въ городѣ, разграбленномъ большевиками до-тла, въ городѣ, гдѣ въ каждой семьѣ былъ трауръ и гдѣ глазъ привыкъ за послѣдніе мѣсяцы къ виду распущенно-пьяныхъ матросовъ и красноармейцевъ, а ухо къ изысканной ругани товарищей, нервы отдыхали невольно при видѣ стройныхъ рядовъ офицеровъ Дроздовскаго, беззвучно замершихъ на парадѣ, на Соборной площади, по всѣмъ правиламъ строевого устава.

И кромѣ того, ихъ видъ былъ подлинной угрозой для тѣхъ, кто продолжалъ еще вѣрить тайно разсылаемымъ большевиками воззваніямъ о томъ, что они снова вернутся въ городъ.

Прозрѣвшее казачество и приходъ отряда Дроздовскаго— существенная помощь бойцамъ Добровольческой арміи, и кромѣ того, даетъ возможность приступить къ операціямъ въ болѣе широкомъ масштабѣ...

VII.

Въ Ледяной походъ Россія потеряла генерала Корнилова, во второй Кубанскій походъ—былъ убитъ генералъ Марковъ.

Кровью строится Русь, драгоцѣнные камни—ея фундаментъ.

Генералъ Корниловъ былъ знамя арміи, Марковъ былъ его шпага.

Генералъ Марковъ былъ убитъ въ тотъ моментъ, когда на обломкахъ большевизма на Югѣ Россіи, на смѣну ему выросталъ сепаратизмъ и государственное одичаніе окраинъ.

Онъ умеръ за Единую, Великую и Недѣлимую Россію.

Въ Новочеркасскѣ, на окраинѣ города, есть кладбище.

Это кладбище принадлежитъ Родинѣ.

Въ январѣ каждый день по направленію къ нему двигалась траурная процессія и въ закрытыхъ гробахъ везли тѣла партизанъ и добровольцевъ, ихъ сопровождалъ, неизмѣнно отдавая послѣдній воинскій долгъ, генералъ Калединъ, этотъ рыцарь донского благородства и чести.

Столпившійся кучками народъ безмолвно считалъ гробы и шопотомъ передавалъ другъ другу:

«14 съ Каменскаго фронта».

«10 изъ-подъ Таганрога». Черезъ весь городъ медленно тянулась погребальная процессія, и, минуя старую часть кладбища, гдѣ виднѣлись роскошные фамильные склепы, дорожки, усыпанныя пескомъ, богатые памятники и фигуры ангеловъ, простирающихъ къ небесамъ руки, бѣлый гробъ несли къ полю, обнесенному оградой: выросталъ маленькій могильный холмикъ и видѣлся новый, незатѣйливый, грубо-сколоченный крестъ—точно выстроенные въ одну шеренгу солдаты.

И среди нихъ, этихъ скромыхъ крестовъ, сколоченныхъ наскоро чужою рукою, можно было прочесть кошмарную надпись:

«Неизвѣстный».

Или торопливо начерченныя слова:

«Неопознанный».

Тамъ схоронили донского партизана Чернецова и тамъ погребенъ въ жаркій іюньскій день генералъ Марковъ.

Разступилась земля, бѣлый крестъ обвился вѣнкомъ изъ бѣлыхъ лилій, въ воздухѣ растялъ дымъ кадилъ, и угасли звуки молитвенныхъ пѣснопѣній, память осталась жить въ потомствѣ.

Здѣсь все пустынно и хмуро и до этихъ могилъ не долетаетъ шумъ деревьевъ стараго кладбища и прямо передъ ни-

ми разстилается степь и взгорки, покрытые молодой зарослью.

А наискось виднѣются сумрачныя очертанія городской тюрьмы и кирпичные сараи, гдѣ въ февралѣ, командуя собственнымъ разстрѣломъ, погибъ отъ руки красногвардейцевъ генералъ Назаровъ—преемникъ атамана Каледина, и гдѣ умиралъ председатель круга защиты Дона, войсковой старшина. Волошиновъ, оставшiйся въ Новочеркасскѣ исключительно съ тѣмъ, чтобы отвратить разгулъ черни отъ жителей города и осуществить въ лицѣ круга народную волю.

Вечеромъ, когда умолкаетъ городской шумъ и замираютъ дневные звуки—не подходите къ этимъ мѣстамъ, ибо тамъ плачетъ коленопреклоненная Россія.

Не подходите, ибо вы не смѣете прямо посмотрѣть женщинѣ въ черномъ въ глаза, потому что, когда умирали они, вы бездѣйствовали преступно и лукаво.

Не подходите, потому что вы не вынесете блеска ея глазъ, глазъ лани, раненой въ сердце.

Не подходите, ибо тамъ лежатъ старики и дѣти, ушедшіе въ невѣдомый міръ съ кошмарной надписью на бѣломъ крестѣ...

«Неизвѣстный».

Тамъ галлерея Русской Чести и тамъ покоится лучшій изъ лучшихъ—генералъ Марковъ.

Послѣднимъ снарядомъ, выпущеннымъ на авось большевиками, онъ убитъ былъ подъ Шабліевской. онъ—послужной списокъ котораго былъ безпрерывный взглядъ смерти прямо въ глаза, точно это была не отвратительная костлявая старуха, а прекрасная невѣста въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ.

Умирая, онъ сказалъ кубанцамъ:

«Вы умирали за меня, теперь я умираю за васъ»....

И еще сказалъ:

«Вѣрьте, что Родина снова будетъ Единой, Великой могучей».

Смерть генерала Маркова невознаградимая для арміи потеря, въ расцвѣтѣ силъ и таланта покинулъ ее человѣкъ, работавшій въ ней съ первыхъ дней основанія.

Человѣкъ, проѣхавшій, на Донъ подъ видомъ денщика генерала Романовскаго, человѣкъ въ самыя острыя и рѣшительныя минуты находившій всегда возможность рискомъ своей жизни улучшить всякое безнадежное положеніе.

Память о покойномъ увѣковѣчена приказомъ генерала Деникина отъ 13-го іюля:

«Для увѣковѣченія памяти перваго командира 1-го офицерскаго полка, части этой впредь именоваться 1-мъ офицерскимъ генерала Маркова полкомъ».

Корниловскій и Марковскій полки—будущая гвардія Россіи. Гвардія чести.....

VIII.

Май, іюнь и іюль—за это время отдохнувъ на Дону и разгрузившись отъ больныхъ и раненыхъ, Добровольческая армія совершаетъ побѣдоносное продвиженіе по Кубани, вбирая въ себя все больше и больше кубанскій элементъ и освобождая прозрѣвшее Кубанское казачество отъ красногвардейской опеки.

Каждая взятая съ боемъ станица вливаетъ въ армію пополненія, повсюду на Кубани вспыхиваютъ внутреннія возстанія.

Продвигаясь впередъ и стремясь скорѣе овладѣть Екатеринодаромъ, армія къ іюлю мѣсяцу окончательно освобождаетъ весь Тихорѣцкій районъ, чѣмъ выбиваетъ изъ рукъ большевистскаго командованія свободу дѣйствій и иниціативу.

Жаркое, южное лѣто, когда солнце отвѣсными лучами накаляетъ степи, знаетъ жаркую напряженность боевъ.

2-й Кубанскій походъ — это уже настоящая война по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, большевики успѣли сорганизоваться и изъ бандъ, давящихъ армію своей многочисленностью и изобиліемъ снарядовъ, они превращаются постепенно въ многоголовую саранчу съ нѣкоторыми признаками дисциплины, порядка и соразмѣрности дѣйствій.

Кромѣ того, на пути арміи выростаютъ затрудненія политически-государственнаго характера.

Россія не свободна, Германія проводитъ въ жизнь пункты Брестскаго мира.

Нѣмецкими войсками оккупирована Малороссія и Крымъ заняты исконныя земли Донского казачества, судьбами Россіи изъ Кіева распоряжается фельдмаршалъ Эйхгорнъ и баронъ Муммъ, а въ Москвѣ непреклонную волю германскаго императора диктуетъ графъ Мирбахъ.

А, безпрерывно разъѣзжая изъ Кіева въ Берлинъ и обратно окраинную политику Россіи направляетъ полковникъ нѣмецкаго генеральнаго штаба графъ Альвенслебенъ.

На Донъ наложена тяжелая рука майора Кокенгаузена, и свитскій генералъ Скоропадскій, волею судебъ и желаніемъ Германіи, возведенный на гетманскій престолъ, вмѣстѣ съ своимъ военнымъ министромъ генераломъ Рагоза, поднимаетъ бокалъ за непобѣдимую германскую армію.

Звонитъ третій звонокъ русской революціи, на смѣну большевизму, культивируемому нѣмцами, наростаетъ сепаратизмъ, сепаратизмъ, которымъ искусно руководятъ политики изъ Берлина и который методически преслѣдуетъ идею расчлененія Россіи на части.

Армія попрежнему вѣрна данному союзникамъ слову, и армія изъ оазиза, вокругъ котораго бушевалъ большевизмъ вновь превращается въ оазисъ, вокругъ котораго бушуетъ и

большевизмъ и нѣмецкое засилье и злой шопотъ тѣхъ политическихъ группъ и партій, которыя видятъ спасеніе изъ рукъ Германіи и улыбку возрожденія Россіи изъ рукъ императора Вильгельма.

Тягчайшія испытанія лежатъ на пути Добровольческой арміи, ибо на нее направленъ пристальный взглядъ нѣмцевъ и предпринятъ ими цѣлый рядъ шаговъ къ ея ослабленію, тѣмъ болѣе, что армія уже не горсть людей, а могучая сила.

Ея штабъ, до тѣхъ поръ передвигавшійся верхомъ, съ іюня начинаетъ ѣздить въ вагонахъ, армія разростается, появляется генералъ-квартирмейстерская часть, отдѣлъ дежурнаго генерала, броневые поѣзда, телеграфы, телефоны, автомобили.

Подъ ея сѣнь, минуя большевистскіе заслоны, бѣгутъ русскіе офицеры изъ Совѣтской Россіи, бѣгутъ изъ Украины, съ Кавказа и Крыма.

Нѣмцы это отлично понимаютъ и, учитывая растущую для нихъ опасность въ лицѣ Добровольческой арміи, обставляютъ ея формированіе безпримѣрными трудностями.

По условіямъ момента имъ не выгодно выступить сразу противъ нея открыто, а потому, преслѣдуя бюро записи Добровольческой арміи на Украинѣ, они въ противовѣсъ арміи Алексѣева и Корнилова надѣются создать на Дону покорныя имъ параллельныя формированія въ лицѣ новыхъ армій— Астраханской, а впослѣдствіи и Южной.

Для этихъ цѣлей найдены подходящіе люди, офицерскіе оклады въ этихъ арміяхъ увеличены вдвое и при помощи фальшивой депозитки, изготовленной—въ Лейпцигѣ, и при благосклонномъ участіи лицъ, увѣровавшихъ въ всемогущество Германіи, нѣмецкіе дипломаты всячески пытаются парализовать ростъ Добровольческой арміи и пресѣчь въ нее приливъ живыхъ силъ.

Сѣть бюро, основанныхъ на нѣмецкія деньги, дѣйствуетъ во всю на Украинѣ. Офицеры, служащіе въ Добровольческой арміи, арестовываются въ Кіевѣ и Харьковѣ, какъ проводники союзническихъ идей, дѣлается рядъ усилій, чтобы оторвать отъ арміи отрядъ генерала Дроздовскаго и среди тѣхъ, кто воплощаетъ въ жизнь нѣмецкую политику, бродитъ идея создать «Доно-Кавказскій Союзъ» и извлечь при помощи этого Союза кубанскихъ казаковъ изъ рядовъ Добровольческой арміи.

Дѣло исторіи распутать весь клубокъ интригъ, ухищреній, недоброжелательства и служенія германскимъ интересамъ со стороны тѣхъ, кто къ этому прикосновененъ; дѣло исторіи пригвоздить рядъ именъ къ позорному столбу и сорвать пышныя одежды патріотизма съ тѣхъ, кто облеченъ въ нихъ и понынѣ—сейчасъ не время и не будемъ на этомъ подробно останавливаться.

Всѣ эти попытки прежде всего бьютъ по интересамъ Россіи и преслѣдуютъ идею ея раздробленія.

Продвигаясь съ боемъ впередъ въ этотъ тяжкій періодъ русской жизни, армія концентрируетъ вокругъ себя всѣхъ, кто, независимо отъ своего новаго подданства, донского или украинскаго, чувствуетъ себя прежде всего гражданиномъ Россіи.

«Форверстъ» Германіи остановлено у Батайска и, побѣдоносно продвигаясь по Кубани, 14-го іюля арміей занятъ съ боемъ Армавиръ и 26-го падаетъ подъ ударами добровольцевъ и кубанскихъ казаковъ станица Кореновская.

Въ эти дни Добровольческая армія—единственный оплотъ національнаго возрожденія и единственная носительница идей Недѣлимой и Единой Россіи.

IX.

Второй періодъ 2-го Кубанскаго похода ознаменовалъ рядомъ упорныхъ боевъ за Екатеринодаръ.

Екатеринодаръ, крупная военная база, опираясь на которую, большевики лелѣютъ мысль отбросить вновь армію къ границамъ Донской области.

Подъ ударами добровольцевъ Екатеринодаръ палъ 2 августа.

Надъ городомъ развѣвается русскій трехцвѣтный флагъ.

Красная полоса—кровь добровольцевъ, синяя—помощь небесъ, бѣлая—прозрачно-хрупкая мечта объ Единой Россіи.

Среди гербовъ, флаговъ и гимновъ новыхъ государственныхъ образованій подъ опекой нѣмецкаго унтеръ-офицера, послѣ травли всего русскаго въ Кіевѣ, послѣ разстрѣловъ всего честнаго въ Москвѣ и послѣ незримо тонкой паутинки симпатій къ Германіи со стороны Донской власти—сердце шепчетъ благодарно умиленную молитву—здѣсь русская Мекка.

Вѣтеръ ласково колышетъ трехцвѣтный флагъ, флагъ водруженъ добровольцемъ.

13-го августа овладѣвъ Новороссійскомъ, армія вышла къ Черному морю.

Освобожденіе каждаго города для ея обитателей—пасха, въ Екатеринодарѣ генералы Алексѣевъ и Деникинъ трижды принуждены были переходить съ мѣста на мѣсто, усыпанные цвѣтами.

Съ уходомъ красногвардейцевъ городъ оживаетъ, позади остаются разстрѣлы и насилія, позади остаются жуткіе дни большевистскихъ расправъ, нервы не выдерживаютъ и невольно глаза излучаютъ слезы.

Плачутъ женщины, плачутъ старики, плачутъ взрослые мужчины,—это не стыдно, это слезы восторга, слезы благодарности, рвущіяся изъ глубины души.

Такъ встрѣчаютъ армію по ея пути.

Но человѣкъ, не даромъ когда-то писалъ Достоевскій въ «Запискахъ изъ мертваго дома», существо, ко всему привыкающее; и когда замолкаетъ шумъ привѣтствій, гаснутъ отзвуки банкетныхъ здравицъ и тостовъ и вянутъ цвѣты, брошенные женской рукой навстрѣчу освободителямъ,—жизнь постепенно вступаетъ въ свои права, воинъ продолжаетъ свой подвижническій путь, а обыватель, понемногу успокаиваясь, начинаетъ все развѣтвлять и детализировать.

Въ обществѣ и прессѣ гаснетъ энтузіазмъ, гдѣ-то забытая умираетъ благодарность, начинается нудный долгій споръ о цѣляхъ и задачахъ арміи, къ арміи вплотную подходятъ съ вопросомъ: «кто ты», точно безконечные кресты на Кубани и безногіе калѣки на улицахъ—отвѣтъ не достаточно яркій.

Въ Ставрополѣ 6 августа ген. Деникинъ на это отвѣтилъ:

— Добровольческая армія, совершая свой крестный путь, не можетъ стать оружіемъ какой-либо политической партіи или общественной организаціи. Тогда она не была бы русской государственной арміей.

Онъ подчеркнулъ въ той же рѣчи:

«Армія никогда не станетъ неволить чужой мысли и совѣсти. Она прямо и честно говоритъ, будьте вы лѣвыми, будьте вы правыми, но любите вашу истерзанную Родину и помогите ее спасти».

Но любить Родину въ наши кошмарные дни можно только возвысившись до порыва, до идеи служенія ей жизнью.

Таковы условія, таково время, такова обстановка.

Таковъ, наконецъ, противникъ, давшій странѣ фанатическое изувѣрство и кровавый терроръ—подъ видомъ завоеванія революціи и свободы народа.

Къ сожалѣнію, это готовы забыть многіе и въ трагическія минуты жизни государства размѣняться вновь на пышные ярлычки партійныхъ обѣщаній, приведшихъ уже разъ народъ къ порабощенію и Отечество на край гибели.

Когда соберется Россія и государство окрѣпнетъ вновь—2 ноября 1918 г. будетъ объявлено официальной датой, въ этотъ день зародилась Добровольческая армія, въ этотъ день въ Новочеркасскъ пріѣхалъ генералъ Алексѣевъ.

Но Россія не забудетъ и другого дня—дня всеобщаго траура и скорби—25 сентября 1918 г. умеръ ген. Алексѣевъ.

Работа по 15 часовъ въ сутки, трудности Ледяного похода и преклонный возрастъ пресѣкли жизнь основателя арміи.

Генералъ Алексѣевъ скончался въ Екатеринодарѣ, на Екатерининской улицѣ, въ квартирѣ екатеринодарскаго жителя Ирза—умеръ въ непрерывныхъ трудахъ и заботахъ объ арміи.

Въ трехъ городахъ—Екатеринодарѣ, Ростовѣ и Новороссійскѣ не хватало цвѣтовъ, чтобы возложить достаточное число вѣнковъ на его могилу.

Изъ уваженія къ памяти покойнаго санъ Верховнаго руководителя арміи послѣ его смерти никѣмъ не былъ замѣщенъ.

Смерть генерала Алексѣева совпала съ періодомъ широкаго государственнаго строительства. И въ сентябрѣ 1918 года Родина потеряла человѣка, имя котораго было не только общероссійскимъ, но и величиной міровою, не даромъ его называли «мозгъ арміи».

Добровольческую армію онъ считалъ своимъ послѣднимъ дѣломъ на землѣ и онъ ее создалъ.

Есть потери незамѣнимыя, такова смерть генерала Алексѣева для Россіи.

Онъ умеръ потому, что каждый этапъ арміи—окрашенъ кровью, каждый ея этапъ завуалированъ крепомъ.

Армія безъ территоріи, затерянная въ степяхъ, съ вѣрою въ сердцѣ, на встрѣчу слѣпотѣ народа--смерть ген. Корнилова.

Армія, окрѣпшая, вбирающая въ себя народные соки, уплотненная силами пробудившагося казачества—смерть генерала Маркова.

Армія, выросшая въ могучую силу, наканунѣ государственнаго строительства въ общероссійскомъ масштабѣ — смерть генерала Алексѣева.

Вотъ вѣхи ея пути, кровавыя вѣхи Русскаго Государства.

Отъ Корнилова до Маркова тысячи труповъ, отъ Маркова до Алексѣева новыя тысячи, отъ Алексѣева до трехцвѣтнаго флага въ Москвѣ—десятки тысячъ безвѣстныхъ крестовъ, разбросанныхъ по необозримымъ пространствамъ Русскаго Государства.

А по ту сторону фронта неизмѣнно юродствующіе Ленинъ и Троцкій съ подложными паспортами въ карманѣ, готовые безслѣдно скрыться въ тотъ моментъ, когда волны гражданской войны и сознаніе образумившагося народа будутъ угрожать ихъ личному благополучію и безопасности.

Поистинѣ страшные дни, поистинѣ страшное время...

X.

22-го октября была очищена отъ большевиковъ послѣдняя станица Кубанскаго войска—Темнолѣсская—и, такимъ образомъ, начатое 12-го іюня наступленіе на Кубань было побѣдоносно закончено.

Это досталось дорогой цѣной, армія потеряла за 2 Кубанскихъ похода до 30 тысячъ добровольцевъ и казаковъ и старыя добровольческія части, какъ напримѣръ Корниловскій полкъ, насчитывающій къ этому врем. въ своемъ составѣ не болѣе 500 штыковъ, провелъ черезъ свои ряды свыше 5000 бойцовъ.

Въ октябрѣ былъ окончательно закрѣпленъ взятый въ третій разъ Армавиръ и Ставрополь, переходившій нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки.

Бои подъ этими городами отличались большимъ ожесто-

ненiемъ и кровопролитностью и сотни труповъ устилали улицы въ день взятiя Армавира.

Въ ноябрѣ разгромъ Германiи получилъ реальныя формы, 12 ноября въ Екатеринодаръ прибыли первые педставители союзныхъ миссiй, которые отчетливо и громко въ Кубанской Радѣ запечатлѣли слова объ Единой и Недѣлимой Россiи и о доблестной, героической Добровольческой армiи, сохранившей, несмотря на всѣ испытанiя, идею русской государственности и вѣрность данному слову.

Пораженiе Германiи, вспыхнувшая тамъ на этой почвѣ революцiя и обѣщанiе самой широкой помощи со стороны союзниковъ для ликвидацiи большевизма закрѣпили окончательно положенiе Добровольческой армiи и вдохнули надежду въ ряды ея борцовъ—увидѣть въ скоромъ будущемъ Родину преображенной и мощной.

Съ этого дня быстрыми шагами идетъ собиранiе вооруженныхъ силъ юга Россiи, Добровольческiе русскiе отряды на Украинѣ признаютъ власть генерала Деникина и совмѣстно съ союзиками ими 5-ю декабря занимается Одесса.

Въ декабрѣ армiя выдвигаетъ свои аванпосты на Крымскiй полуостровъ, поддержанный всемѣрно союзниками осуществляется въ жизни принципъ единаго командованiя и единаго военнаго фронта въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ большевизмомъ.

Союзники неоднократно подчеркиваютъ на примѣрѣ маршала Фошъ необходимость сосредоточить управленiе въ рукахъ единаго военачальника и считая Добровольческую армiю законной преемницей армiй Россiйскихъ въ самыхъ прочувственныхъ и теплыхъ словахъ отмѣчаютъ ея моральный престижъ и значенiе, преклоняясь передъ ея заслугами и подвигами.

26-го декабря состоялось соглашенiе съ Донскимъ и Кубанскимъ атаманами объ единомъ командованiи и подчиненiи Донской, Кубанской и Добровольческой армiй ген. Деникину.

Въ этотъ день вновь родилась единая русская государственная армiя.

Съ Барочной улицы въ Новочеркасскѣ, гдѣ въ общежитiи доборвольцевъ, годъ назадъ, всѣ знали другъ друга въ лицо и до объединенiя всѣхъ вооруженныхъ силъ юга Россiи насчитывающихъ сотни тысячъ—вотъ ростъ Добровольческой армiи и лучшiй вѣнокъ на могилу тѣхъ, кто, придя на зовъ вождей своихъ, сложитъ свою жизнь на исконныхъ земляхъ Донского и Кубанскаго казачества, за свободу и единство Отечества.

XI.

26 декабря 1918 г. ген. Деникинъ подписалъ приказъ № 1, какъ главнокомандующiй вооруженн. силами на Югѣ Россiи.

Сонъ сбылся на яву—горсть людей разрослась въ грозную силу.

Больше года прошло съ того момента, когда съ полей Галиціи и измученной Польши великіе русскіе патріоты Алексѣевъ и Корниловъ перенесли на Донъ фронтъ русской чести.

Въ эти дни милліонныя русскія арміи сузились до предѣловъ взводовъ, вмѣсто корпусовъ, генералы получили винтовки, но фронтъ не былъ прорванъ.

Онъ не былъ прорванъ и въ тѣ дни, когда совѣтская власть повсемѣстно праздновала побѣду, когда умиралъ генералъ Корниловъ и, задыхаясь въ кольцѣ большевизма, маленькая горсть героевъ творила свое правое дѣло.

Онъ не былъ прорванъ и тогда, когда убитъ былъ генералъ Марковъ и нѣмецкій унтеръ-офицеръ тяжелой пятой попиралъ достоинство Русскаго Государства и конгломератъ сепаратныхъ правительствъ покорно склонилъ свою голову передъ длинными эшелонами солдатъ императора Вильгельма.

Онъ не былъ прорванъ и тогда, когда, расчленивъ государство, русская революція утвердила одновременно коммунистичность великоросса, стремленіе къ единоличной гетманской власти украинскаго селянина и тяготѣніе къ самодержавному скипетру румынскаго короля бессарабскаго хлѣбопашца, въ эти дни, потерявъ генерала Алексѣева, армія попрежнему шла своимъ путемъ.

Ибо ея путь былъ всегда путь русской чести, и она была безсмѣннымъ часовымъ національнаго достоинства Русскаго Государства.

Ферма подъ Екатеринодаромъ, гдѣ былъ смертельно раненъ генералъ Корниловъ, кладбище въ Новочеркасскѣ, гдѣ погребенъ генералъ Марковъ, и гробница въ пятиглавомъ соборѣ, гдѣ вѣчнымъ сномъ уснулъ генералъ Алексѣевъ,—вотъ тѣ святыя могилы, къ которымъ припадаетъ въ минуты отчаянія и слабости русскій доброволецъ, подобно былинному витязю, припадавшему къ землѣ, набирая силы.

Мѣста, гдѣ невидимой рукою, точно вѣнчикъ святого, начертаны великія слова:

«За Единую и Свободную Россію и за право быть ея гражданиномъ».

Пусть каждый помнитъ святыя для родины могилы и пусть каждый знаетъ, что крестный путь для арміи еще не оконченъ.

И что, разрушая на своемъ пути деспотизмъ и насиліе и вбирая въ себя народные соки, она осуществляетъ извѣчную мечту русскихъ людей о свободѣ и порядкѣ.

И творитъ жизнь въ тотъ моментъ, когда вокругъ нея попрежнему вьется преступная паутина партійныхъ разсужденій и споровъ, и люди, подобно Пилату, умывшіе руки въ самый страшный моментъ для Государства, готовы вновь съ

...логическимъ букваремъ въ рукахъ, какъ дважды два — четыре, доказывать ея реакціонность.

И готовы вновь открыть безцѣльно словесный турниръ надъ безчисленными госпиталями, откуда доносится стонъ умирающихъ и гдѣ къ изнеможденному лицу раненаго заботливо склоняется бѣлая косынка сестры милосердія.

Этихъ людей ничѣмъ не убѣдишь, ибо для нихъ кровь добровольца всегда останется тепленькой водичкой, и красногвардейцу, увѣшанному съ ногъ до головы пулеметными лентами, они попрежнему готовы противоставить трескучія фразы бумажнаго творчества.

Видимо, что эти люди никогда не поймутъ, что силѣ необходимо противоположить силу и что для успѣшности борьбы необходима:

«Единая временная власть и единая вооруженная сила, за которую могла бы опереться эта власть»,

какъ сказалъ Главнокомандующій въ своей рѣчи, обращаясь къ членамъ Кубанской Краевой Рады.

И, кромѣ того, нужны дружныя усилія всѣхъ, объединенныхъ однимъ порывомъ.

«Такое единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно-мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно», по словамъ генерала Деникина, «что Добровольческая армія, ведя борьбу за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими народъ объявитъ свою волю».

Такъ должно быть, но для тѣхъ, кому и это неубѣдительно, и кто легкомысленно считаетъ всѣ совѣтскіе ужасы, въ родѣ соціализаціи женщинъ, и пытокъ въ чрезвычайкахъ только за страшную страничку далекаго романа, а не за подлинную жуть и кошмарность жизни, для тѣхъ, кто каждый шагъ арміи готовъ взять подъ сомнѣніе и каждый отдѣльный уличный офицерскій скандалъ возвести въ систему, стройную дисциплину солдатъ—въ угрозу реакціи, смерть на полѣ чести въ защиту сословныхъ правъ и Великодержавное Знамя Единой и недѣлимой Россіи облечь въ контръ-революціонный символъ, для тѣхъ Главнокомандующій знаетъ грозныя и пророч. слова:

«Вы думаете, что опасность больше не угрожаетъ вашей драгоцѣнной жизни?»

«Напрасно. Борьба съ большевизмомъ далеко еще не окончена. Идетъ самый сильный, самый страшный девятый валъ».

«И потому не трогайте армію: не играйте съ огнемъ, пока огонь въ желѣзныхъ стѣнахъ, онъ грѣетъ, но когда вырвется наружу, произойдетъ пожаръ».

«И кто знаетъ, не на ваши ли головы обрушатся распаленныя вами подгорѣвшія балки».